

4. Чернов В.А. Ономастика в «Житии протопопа Аввакума» // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10.
5. Лосева Л.И. Ономастика как один из факторов характеристики личности Н. Ключева // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1998.
6. Ономастикон романа Пушкина «Евгений Онегин». М., 1999.
7. Бельшева С.В., Матюхина А.С., Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1999.
8. Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского гос. ун-та. 2006. Серия: Филология. № 291.
9. Захарова Л.А., Нестерова Н.Г., Старикова Г.Н., Мороз Е.В. Лингвистическое краеведение: Учеб. пособие. Томск, 2005.

УДК 801.3

О.Г. Щитова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII ВЕКА)

Томский государственный педагогический университет

Источником для изучения среднеобских говоров начального периода их формирования являются томские деловые документы XVII столетия: в конце XVI – начале XVII вв. происходит заселение русскими Среднего Приобья и становление первых острогов на территории бывшей Томской губернии. Именно в деловой письменности периода формирования русского национального языка в значительной степени находят отражение народно-разговорная стихия, изучение которой особенно актуально в аспекте исторической диалектологии. Предметом нашего исследования является семантическое освоение заимствований томской разговорной речи XVII в.

При вхождении иноязычного слова в принимающую его языковую систему происходит его освоение, проявляющееся на всех языковых уровнях. Семантическая ассимиляция заимствования – это включение его в лексико-семантическую систему языка-реципиента: становление лексического значения иноязычной новации, формирование у нее различных зависимостей и связей с исконными единицами заимствующего языка. Семантическая ассимиляция заимствования – многогранное явление. Внимание ученых привлекают изменения, произошедшие в семантическом облике иноязычного слова при вхождении его в русскую лексико-семантическую систему (С.А. Беляева, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Н.А. Газанчиан, К.Л. Егорова, Л.П. Ефремов, Л.Л. Кутина, Д.С. Лотте, В.Е. Ущечко, И.С. Хаустова, Р.А. Юналеева и др.), реакция системы принимающего языка на новозаимствование, этапы семантического освоения иноязычных лексем (В.М. Аристова, О.А. Пылакина, Л.П. Рупсова, Ю.С. Сорокин и др.), взаимоотношения и связи заимствованного и исконного словаря: валентностные способности иноязычной лексики, отно-

шения дублетности, синонимии, омонимии, родовидовые отношения и др. (Е.Н. Борисова, С.С. Волков, Н.В. Габдреева, Б.С. Гасанов, Б.Н. Забавников, Н.В. Зинова, А.Г. Погорелов и др.).

Один из аспектов изучения семантической ассимиляции иноязычных лексем – анализ путей освоения их семантики. При моносемичности иноязычного прототипа таких путей можно отметить несколько:

- семантическое тождество заимствования и его иноязычного прототипа,
- специализация лексического значения заимствования,
- абстрагирование семантики лексемы-прототипа,
- трансформация лексического значения неисконной номинации в языке-реципиенте, проходящая по типу метафорического или метонимического переноса.

Рассмотрим последовательно каждую из указанных закономерностей.

1. В процессе семантической ассимиляции неисконной новации значение заимствованного слова полностью совпадает со значением его иноязычного прототипа. Это особенно характерно для предметной лексики:

АНИС ‘растение *Pimpinella anisum*’ < нем. *Anis* или фр. *anis* ‘то же’;

АТЛАС ‘сорт шелковой блестящей ткани’ < польск. *atlas* ‘то же’;

БАЗАР ‘рынок’ < тюрк. диал. *bazar*, тур., алт., уйг. *paazar* ‘ярмарка, рынок’ < перс. *bāzār* ‘то же’;

КУПОРОС ‘медный купорос’ < фр. *couperose* ‘то же’;

ПИСТОЛЕТ ‘короткое ручное огнестрельное оружие’ < стар. нем. *Pistolet* ‘то же’;

ПУШКА 'метательное орудие' < польск. *puszka* 'то же';

СЕЛИТРА 'вещество, употребляемое в технике взрывчатых веществ' < бав. *Salitter* 'селитра, щелочная соль';

ТАБАК 'травянистое растение, используемое для курения и нюхания' < нем. *Tabak* 'то же';

ШЕЛК 'ткань из шелковых ниток' < др.-сканд. *silki* 'то же';

ШНУР, ШНУРОК 'крученая или плетеная тонкая веревка' < польск. *sznur, sznurek* 'то же';

ЯХОНТ 'название сапфира или рубина' < стар. польск. *jáchant* 'то же';

алман, базар, барсук, башмак, сафьян и др.

(сокращения языков и диалектов даются в соответствии с [1]).

2. Второй путь семантической ассимиляции иноязычной лексики – конкретизация, специализация лексического значения. Это значит, что семантика заимствованной единицы конкретизировалась, стала более специальной по сравнению со значением слова в языке, из которого лексема была заимствована. В результате происходит усложнение семной структуры денотативного компонента лексического значения заимствованного слова по сравнению с семантикой его иноязычного прототипа: *аманат, бархат, бечева, башня, кармазин, лундыш, полк, шуба* и др.

По пути специализации шло освоение семантики неисконных наименований тканей *бархат, кармазин, лундыш* и др.

Номинация *бархат* 'плотная шелковая ткань с густым ворсом на лицевой стороне' была заимствована в конце XIV в. из ср.-в.-нем. *barchât* 'грубая ткань' [2, с. 69]. Осмысление иностранного слова носителями русского языка идет по пути конкретизации: от названия любой грубой ткани к обозначению определенного вида плотной ткани, а именно шелковой, ворсистой. Денотативный компонент семантики русского *бархат* по сравнению со ср.-в.-нем. *barchât* наделяется дополнительными семами 'шелковая', 'ворсистая (ткань)', приводящими к его терминологизации.

Освоение семантики германизма *лундыш* 'лондонское (английское) сукно' репрезентирует ту закономерность семантической ассимиляции иностранных слов, в соответствии с которой терминологические номинации неисконного происхождения формируют в принимающем языке специализированное значение, то есть конкретизируют семантику своего иноязычного прототипа. Действительно, в языке-источнике ср.-нж.-нем. *lundisch*, образованное от топонима *Lunden* 'Лондон', имеет значение 'лондонский' [1, т. 2, с. 533], которое конкретизируется у русского текстильного термина *лундыш* вследствие появления в его семантике компонента

'сукно': в ср.-нж.- нем. 'лондонский' > в рус. 'лондонское сукно'.

Русское *башня* было заимствовано во второй половине XVI в. и понималось как 'узкое высокое строение, устраиваемое на городской (крепостной) стене и имевшее оборонное значение' [3, с. 33]: «Стена городская передняя к острогу, а по срединѣ стѣны *башня* трехъ сажень печатных... а на *башне* нарядъ, три пищали затинныхъ...» (Томск, 1627 г.) [4, с. 24]. Русская лексема имеет более частное значение по сравнению с семантикой ее иноязычного прототипа польского *baszta* 'укрепление, бастион' [1, т. 1, с. 139]. Уточняющие компоненты значения, появившиеся на почве русского языка, обогащают, дополняют семную структуру лексического значения польского прототипа: (укрепление) + 'узкое', 'высокое', 'на городской стене'. Они уточняют внешние признаки предмета, а также место его расположения.

Тюркизм монгольского происхождения *бечева* 'канат для тяги судов' имеет более конкретное значение по сравнению со своим ближайшим иноязычным прототипом тюрк. **beçei* 'веревка' от **beçe* 'привязывать за веревку, бечевку' и зафиксирован в указанном значении в русских памятниках с 1578 г. [5, с. 44]. Этапы семантической ассимиляции заимствования на почве русского языка нашли отражение в СлРЯ XI–XVII вв.: 1) канат, толстая веревка; 2) канат для тяги судов против течения [6, т. 1, с. 182–183]. На первом этапе трансформации семантики в семную структуру заимствования добавляется сема 'толстая (веревка)', на втором этапе семантика лексемы специализируется за счет указания на назначение обозначаемого предмета – 'для тяги судов'. «Тот Ондрюшка Губа с товарищи, поймав з гсдрвых запасных судов грабежом парусы, и всякие снасти, и *бечевы*, и хлебные запасы, и шоглу ссекли и, поставя на свой дощенник, побежали на низ Томью-рекою» (Томск, 1638 г.) [7, с. 310].

По пути конкретизации шел процесс ассимиляции семантики русского слова *шуба* 'верхняя зимняя одежда из меха, на меху', заимствованного, по мнению М. Фасмера, через ср.-в.-нем. *schûbe* 'длинная и широкая верхняя одежда' из ит. *giubba* [1, т. 4, с. 482] и восходящего к араб. *ġubba* 'верхняя одежда с длинными рукавами' [8, т. 2, с. 427]. Осмысление иностранного слова смещено с учетом материала изготовления обозначаемого предмета: в семную структуру русского слова вошли новые семы, отсутствовавшие в лексическом значении ср.-в.-нем. и арабского слов: 'из меха', 'на меху' и поэтому 'зимняя'.

3. Становление семантических свойств иноязычной новации при вхождении в русский словарь может пойти по пути абстрагирования значения лексемы-прототипа.

Примером тому служит полонизм *сбруя* ‘принадлежности, снаряжение’, источник которого польское *zbroja* ‘вооружение, снаряжение, доспехи’, является военным термином. В польском языке это слово связано с *zbroić (sie)* ‘вооружать(ся)’, *zbrojenie* ‘вооружение’ от *broić* ‘бесчинствовать, бушевать’, первоначально ‘резать, сечь’. Первоисточник – о.-с. **brojiti*, корень **broi-*, аблят **bri-* (ср. *брить*) [8, т. 2, с. 142].

Войдя в русский язык (первая фиксация относится к 1453 г. [там же]), слово *сбруя* стало обозначать не только военное снаряжение, но и принадлежность для запряжки лошадей: «Смилуися, пожалуй нас холопеи... дати из своеи црьскои казны *воинской збруи* пансырей...» (Томск, 1629 г.) (РГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 179); «...а вязти б у него Мелентья за тѣ твои гдрвы пенные деньги *конскою збруею* и ожерели» (Томск, 1646 г.) (РГАДА, ф. 214, стб. 251, л. 83).

В языке XIX в. употреблялись словосочетания *церковная сбруя*, *сбруя охотничья*, *сапожная*, *столярная* [9, т. 4, с. 143]. Таким образом, очевидна филиация значения, связанная с движением в сторону обобщения: ‘военное снаряжение’ > ‘любое снаряжение, принадлежности’. Дальнейшее развитие семантики слова *сбруя* связано со специализацией значения. У В.И. Даля читаем: «Ныне разумеют под сбруей более конские принадлежности, для езды» [там же]. В современном русском литературном языке *сбруя* – принадлежности для запряжки лошадей.

При заимствовании слова *лазурь* в русский язык из иной языковой системы его переосмысление связано с переходом на более высокий уровень абстракции, и семантическая ассимиляция выглядит следующим образом: ср.-в.-нем. *lasûr* ‘голубой камень’ > рус. *лазурь*, *лазорь* ‘голубая краска’ > ‘голубой цвет, лазоревый фон ткани’: «Вѣрхъ украшен звѣздами златыми на лазурѣ», 1259 г. Ипатьевская летопись [8, т. 1, с. 463].

4. В процессе перехода слова из одной языковой системы в другую у него появляется новое, иное по сравнению с лексемой-прототипом значение путем метафорических и метонимических аналогий. В новой языковой среде заимствование обозначает уже другой предмет или явление.

4.1. Метафорический перенос.

Слово **скипидар* реконструируется нами для томской разговорной речи XVII в. на основании зафиксированного в томской деловой письменности деривата *скипидарной*: «Того же дни отпущен в Енесѣиской острог торгови Ивашко Сидоров... а с ним пошло запасу... фунт масла *скипидарново* сем дестей бумаги пицие...» (Томская таможенная книга 1627 г., л. 46 об.). Полонизм латинского (*spicanardi* ‘колос нарда, благовонного растения’) происхождения *скипидар* имеет значение ‘скипидар, жидкость с едким запахом, получаемая перегонкой смолы хвойных деревьев’. Данная лексема была заим-

ствована в XVII в. из польск. *spicanard* ‘лаванда, пахучий полукустарник’ [1, т. 3, с. 640]. Семантическая ассимиляция лексемы на почве русского языка проходит по типу метафорического переноса, основанием для которого послужил сильный запах предметов, обозначаемых обеими единицами.

4.2. Метонимический перенос.

Слово *кабак*, впервые отмеченное в русской письменности в 1563 г., имело значение ‘питейное заведение’: «А ряды в городе со всякими товары и лобазны с харчами и *кабаки*, а на *кабаках* питья всякія розные, а ярыжек и поблядушок по кабакам много...» 1618 г. [10, с. 291]; «...и какъ приѣхали на Тотму и в Тотемскомѣ в Кочинской слободе на кабакѣ не были и не пили и кабатцкого целовалника Гордеика Дружинина не бивали» (РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 87). Происхождение анализируемого слова пока еще остается спорным и неясным. По мнению П.Я. Черных, Н.М. Шанского, оно тюркского происхождения. П.Я. Черных вслед за В. Радловым возводит его к тюрк., джаг. *капак* ‘борьба, состязание’, *кабак* ‘мишень, цель’. Предлагается следующий путь семантической ассимиляции слова в русском языке: возможно, оно первоначально значило ‘место, где собираются люди для состязаний, игры в карты и проч., подбадривая себя хмельными напитками’ и далее – ‘питейное заведение’ [8, т. 1, с. 363]. В данном случае налицо метонимический перенос названия с содержимого на содержащее.

Значение заимствования XII в. *кнут* в современном русском языке – ‘веревка или ремень, прикрепленные к палке и служащие для понукания животного, в старину – для телесных наказаний’ – иное по сравнению с семантикой его иноязычных прототипов: др.-сканд. *knútr*, др.-швед. *knuter* ‘сук, узел, нарост’ (ср. нем. *Knoten* ‘узел’). В Словаре русского языка XI–XVII вв. [6, т. 7, с. 201] для XII в. зафиксировано следующее значение слова *кнут*: ‘бич с узлами или вплетенными острыми металлическими шипами, использовавшийся как орудие пытки или наказания преступников’. Ср. «кнуты острые» из Жития протопопа Аввакума 1673 г. Становление этого, думается, первичного значения русской лексемы произошло в результате процесса метонимии: ‘узел’ > ‘бич с узлами’, название содержимого перешло на название содержащего. Германизм *кнут* как обозначение орудия пытки и наказания широко представлен в деловой письменности XVII в. «...И в сыску сказал что он Лаврушка свои воровские слова говорил и за тѣ он свои воровские слова бит кнутом...» (Томск, 1651 г.) [РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 632].

Слово *шапка* ‘головной убор (преимущественно теплый, мягкий)’ было заимствовано в XIV в. из ср.-в.-нем. *scharp̄el* ‘головное украшение’ [1, т. 4, с. 406]. Ср.-в.-нем. *scharp̄el*, подобно своему старо-

французскому прототипу *chapel*, обозначало женское головное украшение, прежде всего в виде венка из цветов, а затем и искусственное украшение, диадему, обруч, тесьму, схватывающие волосы [11, т. 8, с. 2169]. На русской почве наблюдается изменение семантики заимствования по сравнению со значением лексемы-прототипа. Русское *шапка* служило обозначением и женского, и мужского головного убора, главным образом теплого и мягкого, имевшего не только эстетическое (для украшения) и социальное (показатель социальной и профессиональной принадлежности владельца), но и утилитарное назначение (с целью защиты головы от атмосферных воздействий). Общим компонентом семантики русского заимствования и его германского прототипа осталось 'то, что надевается на голову'. Таким образом, семантическая ассимиляция заимствования шла по пути изменения значения иноязычного прототипа на основе метонимической аналогии, обусловленной пространственной смежностью предметов, обозначаемых этими словами.

Закономерности семантической ассимиляции неисконных номинаций в языке-реципиенте являются фрагментом широкого полотна семантических преобразований слов разных языков.

Один из ведущих этимологов О.Н. Трубачев пишет: «Никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию. Знание эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры...» [12, с. 272–273]. Изучение типологии семантических преобразований, возможных при переходе лексического материала из одной языковой системы в другую, позволяет извлечь новое знание о заимствовании и подтвердить уже имеющиеся сведения. «Преимущество от изучения этимологически или семантически связанных друг с другом слов, образующих определенную "микросистему", заключается в том, что можно извлечь дополнительную информацию о данном слове из сведений о других словах, связанных с первым» [13, с. 31]. Выявление диахронической динамики значений, семантических типологий является особенно результативным на материале целых лексико-семантических групп и широкого круга языков. С другой стороны, и этимология отдельного слова, включенная в общую типологическую схему преобразования значения, представляется более убедительной.

В томских памятниках деловой письменности XVII в. зафиксирована номинация шелковой ткани *фарабат*: «...Шелку фарабату тритцат половинок летчинных малых четыре половинки амбурских меньша земли...» (Томск, 1652 г.) (РГАДА, ф. 214,

кн. 305, л. 2); «Сто крашенин портищныхъ пять фунтовъ шолку *фарабату* два пуда укладу железного... пять киндяков арапских...» (Томск, 1658 г.) (РГАДА, ф. 214, кн. 359, л. 10). Каково происхождение слова *фарабат*? Оно отсутствует в этимологических и историко-этимологических словарях, а также в работах В. Клейна и П. Савваитова и др.

По данным Картотеки Древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, данная лексема впервые отмечена в 1620 г. в документах о торговле Московского государства со Средней Азией: «Отпущен до Нижнево тезик Кызылбашские земли Маметко Мамарифов а с ним товару 200 ансырей шолку *фарабату* 120 ансырей шолку арясково...» 1620 г. [14, с. 134].

Произведем контекстологический анализ и постараемся извлечь из него максимум информации о происхождении анализируемой номинации.

В данном контексте представлен способ доставки ткани, обозначаемой словом *фарабат*. Эта ткань попадала на русский рынок через *тезиков*, таджикских купцов, таджиков, по сведениям М.П. Алексева, торговавших с Тобольском в начале XVII в. [15, с. 217], а по данным Русско-английского словаря-дневника Ричарда Джемса 1618-1619 гг., «так называют персов возле Астрахани» [16, с. 183]. *Тезик* – обычное для XVII в. название среднеазиатских купцов [17, с. 544].

В нашем документе есть конкретное указание на место вывоза ткани: *Кызылбашские земли*. Кизилбаши – общее название для Персии [18, с. 61].

Из приведенных выше материалов о торговле Средней Азии с Московским государством видно, что вместе с фарабатом в торговые центры Руси доставлялся шелк *аряский*. Атрибутив *аряский* является одним из вариантов прилагательного *ряский* (наряду с *ряжский*, *раский*, *араский*). **Шелк ряский** – сорт шелка восточного происхождения (по названию города Раш в Малой Азии) [6, т. 22, с. 292]. Путь формальных (фонетико-орфографических) модификаций, результатом которых является прилагательное *аряский*, может быть представлен следующим образом. Ранней является форма *рашский* (образованная от топонима *Раши*), которая в результате палатализации начального согласного дает вариант *ряшский*, а в результате орфографической гипернормализации – вариант *ряжский*, затем вследствие упрощения группы согласных появляется вариант *ряский*, который трансформируется в вариант *аряский*.

На основании сказанного можно сделать предположение о том, что ткань *фарабат* имеет азиатское происхождение, а само наименование *фарабат* восходит к персидскому языку, в котором топонимы *Фарабад*, *Фаррухабад*, *Ферахабад* являются названиями городов в иранском регионе [19, с. 264, 224]. Финаль этих слов **-абад** имеет значение 'го-

род' и встречается во многих топонимах: Ашхабад, Даулатабад, Джелалабад, Исламабад, Каемабад, Мехабад, Солтанабад, Файзабад, Фейсалабад, Хай-дарабад. Аналогичный принцип номинации репрезентирован и в названиях древнерусских городов: *Вышегородъ, Звенигород, Новгород* [20, с. 204–207].

Персидский язык является источником заимствования многих номинаций шелковых тканей, зафиксированных в томских деловых документах XVII в.: *дороги (дараги), камка, тафта*. Возвращаясь к слову *фарабат*, можно предположить тюркское посредничество в процессе его заимствования из персидского в русский язык, однако рефлексов данной единицы в тюркских языках обнаружить не удалось.

Таким образом, процесс семантической ассимиляции заимствования *фарабат*, источником которого является персидский топоним, идет по пути метонимического переноса наименования с места происхождения ткани на саму ткань.

Данная модель семантической трансформации характерна и для других заимствованных наименований ткани в индоевропейских и тюркских языках: *аглинь* 'сукно английского происхождения' этимологически восходит к лат. *Anglia* 'Англия' [1, т. 1, с. 60–61; 78]; *лундыш* 'сорт английского (лондонского) сукна' восходит к названию города *London*, ср.-нж.-нем. *Lunden* [1, т. 2, с. 533–534]; название сукна гамбургского производства субстантивированное прилагательное *амбургское* (анбургское) возникло на базе н.-нем. *Hamborg* 'Гамбург' [1, т. 1, с. 75]; тканеобозначение *китайка* 'плотная гладкая хлопчатобумажная ткань разных цветов китайского происхождения' восходит к названию страны Китая аналогично французскому *crêpe de Chine* (> русское *крепдешин*), турецкому *xatai* 'название шелковой ткани' [17, с. 292–293]. Для гиперонима *шелк*, известного в русском языке с XIII в., этимологом является лат. *sēges* 'Китай' [1, т. 4, с. 423]. Приведенные неисконные номинации являются фрагментом лексико-семантической группы названий тканей, выявленной на материале текстов деловой письменности Среднего Приобья XVII в.

Таким образом, исследование типологии семантических преобразований, возможных в процессе семантической ассимиляции заимствований, в процессе перехода лексического материала из одной языковой системы в другую, а также исследование заимствования на фоне (в составе) лексико-тематической группы и вместе с семантически близкими словами помогают выявить происхождение слова *фарабат*, не зафиксированного в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка.

В современном русском языке слово *шлях* на Украине и юге России имеет значение 'наезженная дорога, тракт': «У широкой степной дороги, назы-

ваемой большим шляхом, ночевала отара овец (Чехов)» [21, т. 4, с. 724]. По данным Картотеки Древнерусского словаря Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, рассматриваемый апеллятив отмечен в русских памятниках письменности с 1571 г.: «На девятомъ курганѣ, на крайнемъ отъ Мюсского верховья, Яма великая, станеть въ ней до десяти человѣк на конехъ, а въ ней растеть терпъ и бозовый кустъ, да под тѣмъ же курганомъ Царевъ *шляхъ*, коли шель царь к Асторохани», 1571 г. [22, т. 1, с. 14]. Лексема *шлях* встречается в текстах, отражающих южновеликорусское и средневеликорусское наречие (воронежских, курских, харьковских, донских; московских, астраханских), а также территорий, связанных с польскими переселенцами (томских, якутских): «...а сотникъ Гаврило Росоха да Василей Богунъ пришедъ на шляхъ къ Робленой могиле гдѣ возы стоять и с собою вернули к городу черкасъ человѣкъ съ 50 и болши...» 1639 г. [23, с. 17]; «А конныхъ де большихъ казачьихъ походовъ ... не бывало; только де укрывались меньшими людьми на Крымскую степь под Татарскіе шляхи, которые ходили воевать въ Литву...» 1649 г. [24, кн. 4, с. 278]; «I я тогда Ђзил i сакмы осматривал ино конского шляху чае было лошедѣй за шестьдесят...» 1646 г. [25, с. 2]; «Как они убиты стреляны или колоты и какие их люди убили иноземцы ли или руские и нет ли шляху консково не приезжали ли иноземцы из улусов...» 1639 г. [26, к. 2, № 6, с. 2]; «И после тово сказывали нам ясачных волостей люди, что они после побою ходили шляхом их, и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и болши находят многих людей мертвых...» (Томск, 1629 г.) Из отписки томских воевод [27, т. 2, с. 361].

В севернорусских памятниках XVII в. анализируемое наименование проезжей дороги не отмечено. Факт неизвестности данной лексемы северновеликорусскому наречию подтверждается также отсутствием ее в мангазейских деловых документах XVII – первой половины XVIII вв. [3], так как «в Мангазее и ее уезде в XVII в. проживали уроженцы территорий севернорусского наречия» [28, с. 20]. В современных среднеобских говорах *шлях* не употребляется, оно вытеснено лексемами *дорога, тракт*.

В русский язык слово *шлях* проникло через польск. *szlach*, чеш. *šlak* 'след, колея' из ср.-в.-нем. *slag, slac* 'колея, след, дорога' [1, т. 4, с. 457]. Ср.-в.-нем. *slag, slac* и нов.-в.-нем. Возможность развития значения 'драть, бить' > 'дорога' подтверждается материалами не только германских языков. Например, греч. *δερω* 'драть, сдирать' имеет производное от того же корня *δερμῶδος* 'дорога, путь' (Гесихий) [30, с. 205].

К индоевропейскому корню **keid-* / **koid-* 'рубить, вырубать' восходят др.-рус. *чисть* < **keidtis* 'росчьсть, чищоба, посека' и *цѣста* < **koidtā* 'до-

рога, улица' [31, с. 172]. Ср. рус. *сечь* 'бить, рубить на части' и *просека* 'дорога, узкая полоса в лесу, очищенная от деревьев'; лит. *kanātyti* 'бить, колотить', *skinti* 'рубить' и *skynimas* 'просека' [31 с. 168].

Греч. *πορεία* 'ход, путь' и *πόρος* 'дорога, путь' родственны слову *πείρω* 'прокалывать, пробивать, рассекать'. Для сопоставления приведем рус. *пороть* 'разрезать, разъединять по швам'.

С праслав. корнем *-dъlb- / *-dъlb- соотносится, например, рус. *долбить* 'ударять, стучать по чему-либо, пробивая отверстия, углубления' [32, т. 5, с. 206], откуда исходит рус. урал. *долобок* 'тропинка' [33, т. 1, с. 140].

Рефлексами и.-е. корня *-trep- / -tror- являются рус. *трепать* 'теребить, дергать, слегка теребить, рвать' [9, т. 4, с. 428] и *тропинка* 'узкая дорожка, протоптанная пешеходами, животными'. Ср. польск. *tror* 'след, колея' при глаголах: слов. *trorāti* 'стучать, бить', арханг. [9, т. 4, с. 434] *trópнуть* 'слегка ударить' [1, т. 4, с. 105], новг., арханг. *тропать* 'стучать, бить' [там же], греч. *τραπέω* 'ступать, выжимать, выдавливать', др.-рус. *притрепати* 'губить, убивать' [1, т. 4, с. 99].

Рус. *тор* 'проложенная дорога, оживленное место', укр. *тор* 'след, колея', польск. *tor* 'путь, дорога' восходят к праслав. **toгъ*, которое связано с чередованием гласных с **terti* [1, т. 4, с. 81]. Отсюда рус. *тереть* 'водить взад и вперед по чему-нибудь, натирая; превращать в порошок мелкие частицы'. Ср. греч. *τείρω* (**terio*) 'тру, терзаю'.

Что касается развития значения 'бить' > 'дорога', можно привести польск. *bita droga*, *bity trakt*, укр. *бита дорога*, *битий шлях*, фр. *chemin battu* 'колея, след, дорога' [1, т. 4, с. 457].

При изучении лексики со сходным развитием семантики необходимо особенно внимательно выявлять внутренние переходные значения. Обнаружение переходных, промежуточных этапов в общей семантической схеме делает ее более наполненной, достоверной.

Так, понятие 'бить' включает в себя целый ряд значений. Первое из них – 'ударять, колотить'. В этом плане показательны наличие следующих рефлексов праслав. **biti*: макед. *бие* 'бить, ударять', словц. *bit* 'бить, ударять', в.-луж. *bić* 'бить, колотить' [32, т. 2, с. 99]. Ср. также рус. литературное *долбить* 'ударяя, делать в чем-нибудь углубление', среднеобское экспр. *долбать* 'бить с силой' [34, с. 89] и нж.-нем. *dōlben* 'бить' [1, т. 1, с. 523–524].

Второе значение слова *бить*, важное для этимологизирования заимствования *шлях*, – 'рассекать на части (драть, резать, дробить)'. Возможность такой трансформации семантики иллюстрируют родственные рус. *бить* др.-в.-нем. *bīhal* 'топор', ирл. *benim* (**bhīāmi*) 'бью, режу', *biail* 'топор' [1, т. 1, с. 169]. Сюда же относится *-*bheid*- с расширением

-d-, откуда происходят др.-инд. *bhinādmī* 'раскалывать, разрезать, разламывать', лат. *findere* 'раскалывать', нем. *beißen* 'кусать' [32, т. 2, с. 100].

По справедливому замечанию Л.В. Куркиной, «многозначность, историческая подвижность значений позволяют вскрыть направление семантического развития, внутреннюю форму многих названий» [35, с. 92].

Итак, промежуточный этап трансформации значения 'бить' > 'дорога' можно наблюдать, например, в семантической цепочке 'бить' > 'топтать' > 'дорога'. Сравним рус. литер. *топтать*, *утопывать* 'плотно уминать ногами' и псков. *утопок* 'тропа, тропинка' [9, т. 4, с. 518].

Л.В. Куркиной выделено несколько групп обозначений дорог, для каждой из которых определяющим является сходство семантической структуры, самих принципов номинации: дорожные наименования, отражающие в своей первоначальной семантике технику прокладывания дорог, в том числе обозначения дорог, возникших естественным путем, проторенных, проложенных ходьбой; названия дорог, указывающие на их назначение; группа наименований с исходным значением 'овраг, ущелье, узкое место'; названия, в которых заключены характеристики внешних особенностей дороги, главным образом ее поверхности; обозначения дороги, пути для транспорта; наименования мощеной дороги; некоторые славянские названия дорог и тропинок, основанные на семантическом переходе 'граница, межа' > 'дорога' [35, с. 92].

Слово *шлях* может служить иллюстрацией одной из названных семантических типологий дорожных наименований. Это дорога, возникшая естественным путем, проторенная, проложенная ходьбой, ездой. Закономерность данного направления развития значения, а именно: 'бить' > 'топтать' > 'дорога' – подтверждается материалами не только славянских, но и других индоевропейских языков.

Данная семантическая типология релевантна для лексических единиц не только индоевропейского, но и тюркского происхождения. Примером тому служит обозначение дороги *сакма* в западно-сибирских деловых документах XVII в.: «Доехали до *сакмы*, куда бежал изменник, а по *сакме* де сметили, что он перед ними проехал за три дни» (Томск, 1634 г.) [7, с. 249]. Слово *сакма* тюркского происхождения (тат. *suqmaq* 'дорожка, тропинка', чаг. *soqmaq* ~ *soqmaq* 'тропинка' и др.) и восходит к тюркскому корню **sok*- 'бить' [17, с. 476–477]. В структуре лексического значения данной номинации репрезентированы два этапа филиации значения понятия 'бить': 'топтать' и 'дорога'. *Сакма*: 1) след (следы) на траве, на росе, по дороге: «... а киргиских людей Ереначка и его улуса на кочевьѢ не застали, ушли до нас по примѢтам и по *сакмѢ* дней

за пять или за шесть» (Томск, 1680 г.) [36, № 100]; 2) дорога, тропа, лесная тропинка: «Доехали до сакмы...» [см. об этом подробнее: 37, с. 82–83].

Таким образом, «метод семантических эволюций неродственных образований... приводит к познанию тех ассоциативных связей в сознании древнего человека, результатом которых явилась данная семантическая эволюция» [38, с. 48].

Итак, пути освоения семантики заимствований различны. Слова, сохранившие значение своего иноязычного прототипа, – это в основном предметная лексика: названия товаров, привозимых из других стран, и термины. Их иноязычные прототипы моносемичны в языке-источнике. Не единично мнение лингвистов о том, что признаком освоенности иноязычного слова в заимствующем языке являются сдвиги

в его семантике. Несомненно, что произошедшие изменения значения заимствования свидетельствуют об активном характере процесса освоения данной лексемы языком-реципиентом. Но, с другой стороны, существует определенная категория заимствований, освоенных языком, но не изменивших своего значения ни по сравнению с их иноязычными прототипами, ни в процессе своего дальнейшего функционирования в языке. Подобные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что основным признаком семантической ассимиляции иноязычного слова не следует считать отличное от слова-прототипа развитие его значения. Суть семантического освоения заключается в становлении лексического значения иноязычного слова в новой языковой среде.

Поступила в редакцию 28.12.2006

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987. Т. 1–4.
2. Paul H. Deutsches Wörterbuch: Fünfte Auflage, bearbeitet von A. Schirmer. Halle, 1956–1957. Lief. 1–10.
3. Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.
4. Головачев П.Г. Томск в XVII веке. Б. м., б. г.
5. НРЭ = Новое в русской этимологии / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2003. Вып. 1.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–27. М., 1986–2006.
7. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII веков / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. 1–2.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М., 1955. Т. 1–4.
10. Покровский Ф.И. Путешествия в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // Известия ОРЯС. СПб., 1914. Т. 18. Кн. 4.
11. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854 u. f. B. VIII.
12. Трубочев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. М., 1988.
13. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.
14. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л., 1933.
15. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей / Предисловие, редакция и комментарии М.П. Алексеева. Иркутск, 1941.
16. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.
17. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
18. Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М., 1925.
19. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. Работы по источниковедению. М., 1973.
20. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
21. Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Изд. 3-е. М., 1985–1988. Т. 1–4.
22. Акты Московского государства, изд. Акад. наук. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. 1571–1634 гг.
23. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVII столетиях, собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. Харьков, 1886. 1600–1693 гг.
24. Донские дела. Кн. 4 // РИБ. Т. 29. СПб., 1913. 1648–1655 гг.
25. Акты Астраханской воеводской избы XVII в. Хранятся в СПб. ФИРИ РАН, ф. 178, № 1794, отписка 2.
26. Якутские акты. 1638–1647 гг. Хранятся в СПб. ФИРИ РАН, ф. 160, оп. 1, карт. 1–7.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. Приложения в 2 т. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
28. Цомакион Н.А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966.

29. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
30. Шатров Г.М. К этимологии др.-греч. πορθρός 'переправа' // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение. Томск, 1985.
31. Откупщиков Ю.В. К истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
32. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М., 1974–2005. Вып. 1–32.
33. Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1962–1988. Т. 1–7.
34. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2001.
35. Куркина Л.В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология, 1968. М., 1971.
36. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
37. Захарова Л.А. К истории слова *сакма* в сибирских говорах // Русские говоры Сибири. Семантика. Томск, 1995.
38. Мотузенко Е.М. Этимология и семантика. Кишинев, 2006.

УДК 801.55

А.Е. Худышкина

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ КАТЕГОРИИ РОДА В КАМЧАТСКИХ ГОВОРАХ

Камчатский государственный университет

В основе распределения слов по частям речи, а также классификации слов и форм внутри частей речи лежит их грамматическая структура. Родственные по характеру обозначенного понятия слова *белизна, белый, белеть, бело* в силу указанных причин относятся к разным частям речи. Каждое из этих слов в соответствии с присущими данной части речи грамматическими признаками образует собственные системы (парадигмы) форм, которые не повторяются в другой части речи.

Именные части речи объединяются рядом таких сходных признаков, которые имеют общую грамматическую природу и тем или иным образом связаны между собой. Для имен в целом характерны категории числа, падежа и рода. Хотя ни одна из этих категорий, кроме категории падежа, не свойственна всем именам, все же каждая из них относится к нескольким частям речи, входящим в класс имен. Имя существительное как в литературном языке, так и во всех русских говорах обладает каждой из вышеуказанных категорий.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть особенности категории рода имен существительных в диалектной речи. Категория рода представляет собой один из основных признаков имен существительных русского языка, при этом имеется в виду не только количественный охват слов данной части речи категорией рода. Категория рода входит в морфологическую структуру существительного или, как говорят, «внутренне присуща» существительному. Это значит, что род в существительном не возникает как результат его синтаксической связи с другими словами, а существует в нем постоянно как независимый грамматический признак, неотделимый от самого понятия [1, с. 17].

Категория рода имени существительного – это лексико-грамматическая классификационная категория. У одушевленных существительных, прежде всего у слов со значением лица, род является мотивированным и отражает различия по биологическому полу (старик – старуха, мужчина – женщина). Род неодушевленных существительных относится к немотивированным и является только грамматическим признаком. Но род таких слов становится мотивированным при образно-метафорическом их употреблении, при олицетворении, когда грамматический род получает определенные грамматические основания. В результате взаимодействия смыслового и формально-грамматического признаков деление существительных по родам осложняется. Таким образом, являясь в своей основе категорией формально-грамматической, род имен существительных в целом представляет собой сложное явление, поэтому в одних случаях при определении рода решающим оказывается формальный признак, а в других – смысловой. Однако родовые окончания имен существительных в современном русском языке представляют собой устойчивую систему, которая свидетельствует о преимущественном формально-грамматическом содержании категории рода, следовательно, распределение по родам подавляющей массы существительных основано на формальном признаке. Формальные различия по роду последовательно распространяются также на склонение и особенности согласования существительных с другими частями речи. Никакой связи с понятием действительного рода, то есть пола, установить в них нельзя. Это положение полностью распространяется на существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Но в существи-